

О семье и научных работах математика и ректора МГУ Ивана Петровского

<http://oralhistory.ru/talks/orh-580>

15 ноября 1976

Собеседник

Олейник Ольга Арсеньевна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 15 ноября 1976 и опубликована 28 декабря 2018.

Введение

Единственная беседа, которую Виктор Дувакин записал с Ольгой Олейник, целиком посвящена личности математика и ректора МГУ Ивана Петровского. Олейник была его ученицей, а впоследствии и помощницей в научной работе. Она вспоминает семинары, которые Петровский проводил совместно с Сергеем Соболевым и Андреем Тихоновом, а также личный семинар Петровского, преемницей которого она стала.

Кроме того, рассказчица делится личными воспоминаниями о Петровском, о его учителях и семье, жизни в коммунальной квартире и домработнице со скверным характером.

Перевод в Московский университет

Виктор Дмитриевич Дувакин: Как вы впервые встретили Ивана Георгиевича [Петровского]?

Ольга Арсеньевна Олейник: Во время войны я жила в Перми, тогда это назывался город Молотов. Там я закончила школу во время войны и поступила в Молотовский университет. А в 44-м году, когда университет Московский вернулся после эвакуации... Давайте мы лучше все сотрем и начнем с начала.

В. Д.: А почему? Все хорошо.

О. О.: В 44-м году в Москву вернулся Московский университет. Несколько студентов из Перми вернулись... Можно продолжать, да?

В. Д.: Продолжайте-продолжайте.

О. О.: Так вот, вместе с другими студентами Пермского университета в 44-м году я была переведена в Московский университет.

В. Д.: А вы сами пермячка?

О. О.: Нет-нет-нет, я там была в эвакуации. И в Пермском университете были профессора Московского университета, в частности, профессор Софья Александровна Яновская. Когда она вернулась в Москву, она взяла с собой ряд своих учеников. Мы были переведены в Москву.

В. Д.: Простите, минуточку, я вас прерву — спрошу. Иван Георгиевич просил меня записывать как можно больше все, что возможно об университете. Так что, например, университет в эвакуации...

О. О.: Это надо кого-то другого спросить, кто был в эвакуации с университетом. В Перми был Пермский университет, а Московский университет был эвакуирован сначала в Свердловск, потом — в Ашхабад, потом — как-то опять в Свердловск.

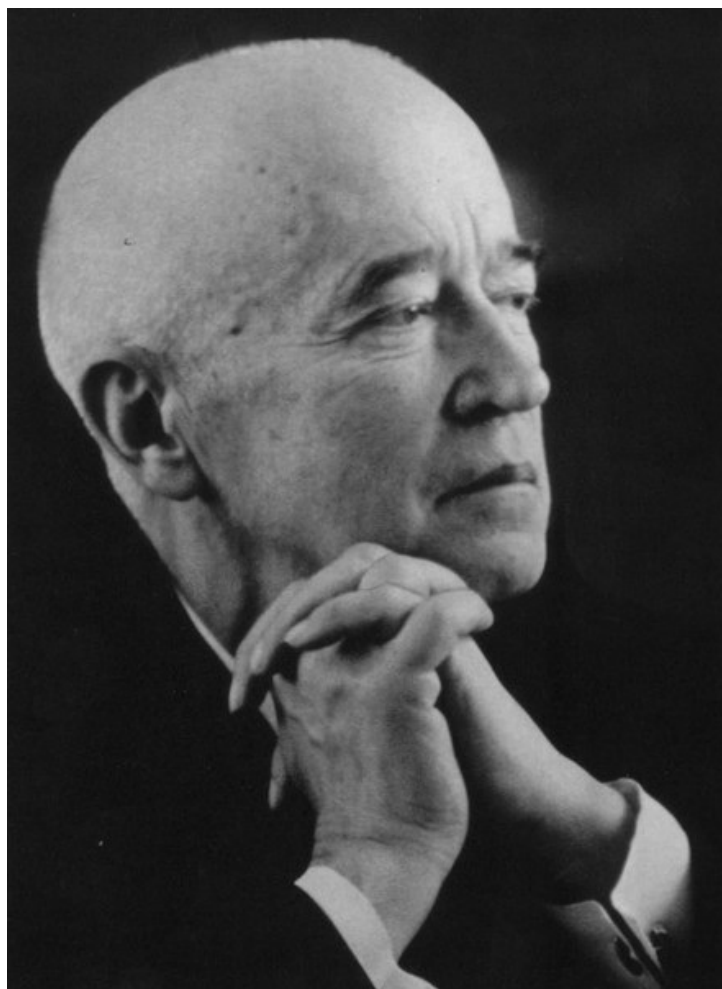
В. Д.: Когда он вернулся, то вы перевелись. Понятно.

О. О.: Когда он вернулся в Москву уже — он, кажется, вернулся в 43-м, но в 44-м году он тут уже полным ходом работал, — возвращались все профессора университета, которые были не обязательно с Московским университетом, а были и в других местах. В частности, в 44-м году я была принята в Московский университет. Этому переводу содействовала профессор Софья Александровна Яновская, которая во время войны преподавала в Пермском университете, и она несколько студентов из Пермского университета перевела сюда. И все эти студенты уже давно-давно доктора наук и, в общем, известные математики.

И Иван Георгиевич был тогда декан, и вот он нас принял. Впервые я увидела Ивана Георгиевича просто в коридоре, и мне показали, когда он проходил, что это есть Иван Георгиевич Петровский, декан, но он скоро уходит, и сказали, что как математик он необыкновенно интересный. Иван Георгиевич, по-моему, тогда выглядел примерно так же, как все последующие годы.

В. Д.: Он вас сам принимал, нет?

О. О.: Нет-нет, я как-то не имела с ним контакты во время моего приема. Это как-то было переведено через ректорат, и я просто вот только помню, что когда я начинала учиться в Московском университете, то Иван Георгиевич был деканом.

Иван Георгиевич Петровский (1901—1973)

В. Д.: А ректором был тогда?..

О. О.: Ректором был Галкин, по-моему.

В. Д.: Ох! Уже Галкин был.

О. О.: Да, был Галкин, а после Ивана Георгиевича деканом стал Владимир Васильевич Голубев. Это замечательный человек.

В. Д.: Он жив?

О. О.: Нет, он умер в день своего семидесятилетнего юбилея. Праздновался юбилей, и в ту же ночь он умер, в день своего семидесятилетия. Он был прекрасным деканом и очень интересным человеком. Он был механик в основном. Он был генерал инженерных войск по авиации. Хотя он был математик, но в основном он занимался гидромеханикой.

Я хочу сказать, что в 46-м году Иван Георгиевич организовал, кажется, по просьбе своих аспирантов семинар «Уравнения с частными производными» для...

Знакомство с Иваном Петровским

О. О.: Ивана Георгиевича впервые я увидела в 44-м году. В 44-м году я была переведена из Пермского университета в Московский. Увидела его просто проходящим в коридоре. Я стояла вблизи группы студентов, и мне сказали: «Вот это Иван Георгиевич Петровский, наш декан, но, к сожалению, он уходит, и будет деканом Владимир Васильевич Голубев». Иван Георгиевич был избран деканом накануне войны. Он соглашался, что будет деканом только год-два. Но война затянулась, декана не переизбирали, и он был деканом механико-математического факультета в самые-самые тяжелые годы существования Московского университета вообще: вся эвакуация, все трудности военных лет легли на его плечи.

” Я тогда только запомнила, мне о нем сказали еще, что у Ивана Георгиевича нет телефона, что он помог поставить телефоны в то время всем профессорам и очень многим содействовал в этом, но себе он телефон не поставил, потому что он хочет дома заниматься математикой.

Потом я увидела Ивана Георгиевича на семинаре. В 46-м году он организовал семинар «Уравнения с частными производными» для студентов и аспирантов. Пришло на этот семинар несколько студентов и с моего курса. Тогда студентов было значительно меньше: математиков была всего одна группа и одна группа — механиков. Мы все знали друг друга. Если сейчас набор четыреста пятьдесят человек у нас на факультет, то тогда это было всего около пятидесяти человек — весь курс. Было несколько студентов очень активных, которые посещали многие семинары. Ну, в частности, я поступила весной 44-го года, это был конец второго курса, потом на третьем курсе я посещала семинар Куроша и очень увлекалась его тематикой, семинар Немыцкого, семинар Гельфанда был очень интересный.

В. Д.: Гельфанда?

О. О.: Гельфанда Израиля Моисеевича. Но, когда мы узнали, что Петровский объявляет семинар, мы пришли на этот семинар: я, Ольга Александровна Ладыженская, тогда моя подруга, и несколько других студентов пришли на этот семинар. Иван Георгиевич предложил очень интересные задачи, очень интересные темы. Прежде чем взяться за эти задачи, он предложил рассказать некоторые работы, связанные с этими проблемами. Мне досталась такая задача: я должна была прочитать работу Келдыша, опубликованную в «Успехах математических наук», в восьмом номере <...> — это работа «О разрешимости и устойчивости задачи Дирихле». До войны Мстислав Всеволодович Келдыш много занимался этими вопросами, вместе с Лаврентьевым, и вот им была написана обзорная статья. Статья эта была замечательная, я ее очень подробно реферировала, очень подробно разбирала, докладывала на семинаре. И потом в связи с этой работой Иван Георгиевич поставил мне такую задачу: доказать, что регулярные точки любого эллиптического уравнения такие же, как и уравнений [нрзб]. И я над этим думала некоторое время — вот конец 46-го года и затем начало 47-го года, — и затем у меня получилось. Иван Георгиевич был очень рад, что задача получилась. Он сказал мне написать все это, я написала и дала ему.

В. Д.: Еще студенткой?

О. О.: Да, это я была студенткой начала пятого курса. Начала я работать у него на четвертом курсе, получила на четвертом курсе эту задачу, и в начале пятого курса я эту задачу сделала. Я написала ее. Иван Георгиевич сказал, что все хорошо, но вот название несколько короткое. Я название написала просто — «О задаче Дирихле». Он предложил мне изменить название — написать «О задаче Дирихле для эллиптического уравнения второго порядка», и с таким названием эта работа и вышла. Она была уже в 49-м году опубликована в журнале «Математический сборник».

Математические семинары

В эти годы работал семинар, который сыграл очень большую роль в развитии и теории уравнений с частными производными, и всей советской науки. Это семинар, которым руководили Петровский, Соболев и Тихонов. На этом семинаре докладывались очень многие интересные работы, работы, сделанные и руководителями, и участниками семинара (ну, тогда это были студенты старших курсов, аспиранты). Кроме того, я помню, на этом же семинаре Мстислав Всеволодович Келдыш — притом даже не одно заседание, а несколько заседаний — докладывал о своей новой работе, которая и сейчас пользуется большой известностью и породила целое большое направление в математике, — это работа о несамосопряженных операторах и спектральной теории несамосопряженных операторов. Вот на этом семинаре я также докладывала свою работу. И каждое заседание этого семинара было каким-то событием в жизни нас, тогда студентов. Это был очень интересный семинар. Иван Георгиевич принимал в нем очень активное участие, предлагал задачи, предлагал реферировать появившиеся работы, которые, с его точки зрения, казались очень перспективными, очень интересными. И на этом семинаре родилось много новых работ, много новых идей в результате обсуждения различных вопросов.

В. Д.: Как они втроем вели? По очереди?

О. О.: Нет-нет-нет, просто они втроем вели. Это значит, что все три руководителя приходили на каждое заседание и заслушивали доклады, которые там ставились, и каждый из них высказывал, если находил нужным, свои замечания, свои дополнения различные. Это было интересно — послушать их замечания. Они все три заслушивали и обсуждали доклады, которые там делались. Это были и рефераты работ опубликованных иностранных математиков, это были только что сделанные работы учеников этих трех руководителей, а также на этот семинар часто приходили рассказывать свои работы очень известные уже ученые — те, кому было интересно доложить и узнать мнение руководителей семинара о том, что они делают. Вот таким одним из докладов, который очень яркий, который мне запомнился, — это был доклад Мстислава Всеволодовича Келдыша. Тогда он был молодым, не был президентом.

В. Д.: Он кто был: аспирант, студент или ученый?

О. О.: Нет-нет-нет, он был тогда уже профессор. Он был профессор. Он в то время читал нам курс теории функций комплексного переменного. Так что вот я, будучи студенткой, слушала курс Мстислава Всеволодовича Келдыша по теории функций комплексного переменного и ему же сдавала экзамен.

В. Д.: А кроме Мстислава Всеволодовича — кто?..

О. О.: А вот Ивана Георгиевича я никогда не слушала. Он читал курс, но уже позже, когда я кончила, когда я была в аспирантуре. Поэтому я его лекций не слушала, но мне приходилось, уже позже, когда он был ректором и читал курс... Бывало так, что он не мог придти на лекции, и тогда за двадцать минут до лекции меня извещали, что я должна идти читать лекцию вместо Ивана Георгиевича.

В. Д.: Ой, как страшно!

О. О.: Да, и мне приходилось вот тут же как-то узнавать через секретаря, а что же он прочитал до этого и что мне рассказывать. Я получала некоторые отрывочные сведения и должна была быть наготове, чтобы идти и читать лекцию вместо Ивана Георгиевича, потому что он был чем-то занят, и так было довольно часто.

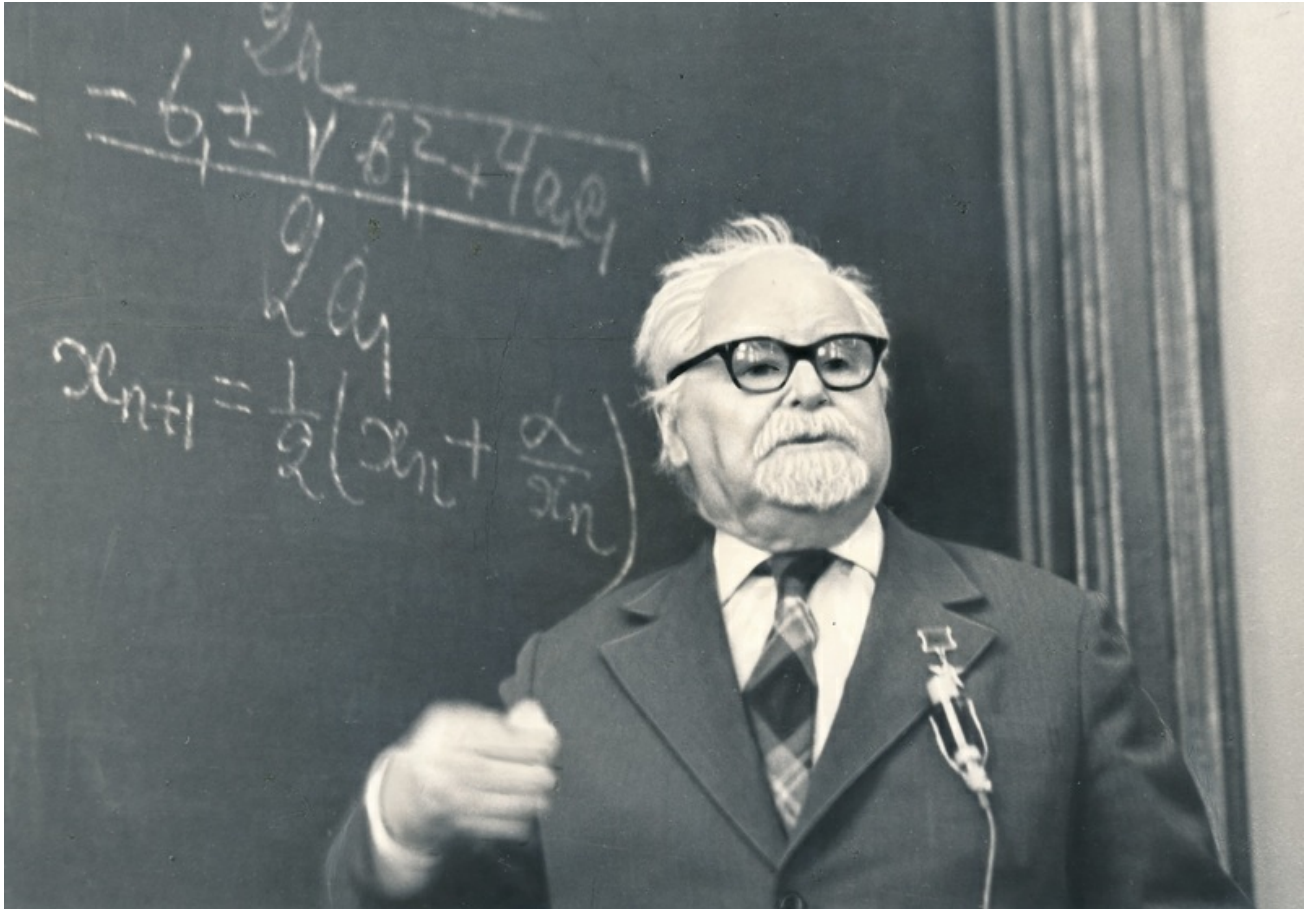
В. Д.: Значит, он вам очень доверял и держал вас, так сказать, на подмену, да?

О. О.: Ну, так, чтобы лекция не пропадала. Нужно, чтобы лекция была прочитана, и раз он не мог, то он просил меня. И мне приходилось много раз читать лекцию вместо Ивана Георгиевича, имея в виду только отрывочные сведения о том, что он уже прочитал до этого и что нужно рассказывать дальше.

В. Д.: Скажите, а кто из студентов потом вышел в большие люди? Из этого семинара, кто там учился.

О. О.: Из этого семинара — очень многие, очень многие. Ну, вот сейчас Ольга Александровна Ладыженская — профессор Ленинградского университета. Анатолий Дмитриевич Мышкис — профессор одного из институтов в Москве, бывший аспирант Ивана Георгиевича. Все ученики Тихонова тоже на этом

семинаре выросли, докладывали свои работы. Вот я помню доклады Ильина и Свешникова, Рождественской, Васильевой — они все работают на ВМК или на физическом факультете, у Андрея Николаевича Тихонова вот это было поколение.

Андрей Николаевич Тихонов (1906— 1993)

Совместная работа с Петровским

В. Д.: Простите, ВМК — что это?

О. О.: Факультет вычислительной математики и кибернетики. Вы не знаете об этом факультете? Его возглавляет Андрей Николаевич Тихонов.

Ну, вот после окончания пятого курса Иван Георгиевич предложил мне поступить в аспирантуру. Я согласилась охотно и сдавала вступительный экзамен ему и Вячеславу Васильевичу Степанову. Вячеслав Васильевич Степанов умер в 51-м году. Это был очень интересный человек, очень эрудированный математик, который знал очень много в самых разных областях математики, с ним было очень интересно разговаривать, и мой экзамен превратился фактически в такую беседу, очень интересную для меня.

Я была принята в 47-м году в аспирантуру, и моим руководителем стал Иван Георгиевич Петровский. И сразу же он мне предложил заниматься вместе с ним одной проблемой, связанной с алгебраической топологией. В 38-м году он написал работу, очень знаменитую сейчас, и тогда эта работа имела исключительно важное значение, — она решала проблему, которая была давно поставлена Гильбертом, о расположении алгебраических кривых на проективной плоскости. Иван Георгиевич предложил продолжить эту работу. Он верил, что аналогичные факты имеют место и в проективном пространстве. Я занялась сначала изучением этой работы Ивана Георгиевича, и потом мы стали вместе думать, как эту

работу распространить на случай пространства. Ну, там потребовалось много нового ввести, некоторые новые характеристики, которые могли бы быть рассмотрены уже в пространстве, и такая работа была сделана. Значит, мы с Иваном Георгиевичем опубликовали две совместных работы о топологии алгебраических поверхностей в проективном пространстве.

В. Д.: У вас две совместные работы?

О. О.: Да, две совместные работы, выполненные в 48-м — 49-м году. Долгое время мало было работ в этом направлении, потому что задачи эти были очень трудными, и только вот в последние годы эта тематика получила очень существенное продвижение благодаря новым открытиям в топологии, новым подходам, новым методам. Но эта работа занимает такое центральное место во всей теории алгебраических многообразий.

Ну, мне было очень интересно работать с Иваном Георгиевичем. Я тогда числилась младшим научным сотрудником Математического института имени Стеклова. Я приходила туда утром, в определенные дни у нас были назначены встречи с Иваном Георгиевичем, и мы просто обсуждали, как двигаться, какие, так сказать, первостепенные вопросы мы должны выяснить для того, чтобы дальше двигаться в решении этой проблемы.

В. Д.: Институт Стеклова и механико-математический факультет по тем отрывочкам, которые до меня доходили, были, так сказать, в некоторой конфронтации по направлениям математическим, или нет?

О. О.: Нет-нет-нет. Иван Георгиевич тогда был заместителем директора Математического института. Это было еще до того, как он был назначен ректором. Он был заместителем Ивана Матвеевича Виноградова, и как раз были очень тесные контакты между механико-математическим факультетом и Стекловским институтом. Отношения ухудшились уже значительно позже.

В. Д.: Ну, вот, это я могу точно и не знать.

Назначение Петровского ректором

О. О.: Но вот в те времена отношения были очень хорошие. Иван Георгиевич тогда участвовал также в некоторых закрытых исследованиях, которые тогда проводились в Стекловском институте, и очень много сил отдавал работе в Математическом институте. Он руководил большой группой тогда, которая занималась вот этой специальной тематикой. Ну, в 51-м году, как известно, он был назначен ректором.

В. Д.: Как это произошло, ничего не помните?

О. О.: Иван Георгиевич рассказывал, как это произошло, но я не думаю, чтоб это было для записи.
(Перерыв в записи.)

Записывайте, что назначил ректором Иосиф Виссарионович Сталин, вот, и приказ был подписан Сталиным о его назначении.

В. Д.: А откуда Сталин о нем знал?

О. О.: Ну, вот было доложено ему, что это человек, обладающий очень высокими качествами, и вот было решено сделать его ректором.

Конечно, Иван Георгиевич сразу погрузился в целый новый мир, потому что, естественно, на ректора ложатся очень большие обязанности. Он был очень занят, и его аспиранты, которых он имел до того, как-

то в основном перешли под мою опеку. Он мне поручал заниматься ими, и так несколько его аспирантов фактически кончили аспирантуру под моим руководством. Иван Георгиевич поручал мне и своих аспирантов, и многие дела, которые он должен был делать по университету — ну, собственно, по кафедре.

В. Д.: Шло в это время строительство еще?

О. О.: В это время шло строительство университета, да. Университет оставался еще в старом здании, и потом университет переехал уже в 53-м году сюда. Ну, а семинар Петровского-Соболева-Тихонова продолжал работать до отъезда Соболева в Новосибирск. Это, кажется, был 57-й год.

В. Д.: Это академик Соболев?

О. О.: Да-да-да, академик Соболев, академик Тихонов и Петровский.

В. Д.: Академик Соболев сравнительно молодой человек, 7-го года.

О. О.: Да, да. И даже ему, молодому человеку, скоро будет семьдесят лет, так что время идет.

В. Д.: Семьдесят лет — это у меня молодежь. У меня есть и восемьдесят шесть, и девяносто...

О семинаре Петровского

О. О.: Мне хочется рассказать об этом семинаре, который Иван Георгиевич продолжал вести сам также. Его семинар, который он начал в 46-м году, работал постоянно, непрерывно, несмотря на всю занятость Ивана Георгиевича на посту ректора. До того, как он был назначен ректором, Иван Георгиевич был академиком-секретарем отделения физико-математических наук в Академии, это тоже очень большая работа и очень ответственная. Но, будучи ректором, до последних дней своей жизни Иван Георгиевич этот семинар вел, о котором я рассказывала, который был организован в 46-м году. И докладывались там наиболее значительные работы, которые были сделаны у нас в Советском Союзе. Там часто докладывали также иностранные гости — те, кто приезжал из-за рубежа к нам, математики докладывали свои работы. Иногда Иван Георгиевич узнавал о какой-нибудь работе, опубликованной в наших научных журналах, и просил тоже кого-нибудь из постоянных участников семинара ее доложить и обсудить.

Конечно, для всех участников семинара, тех, кто докладывал свою работу, было всегда интересно узнать мнение Ивана Георгиевича об этой работе, его замечания, которые были всегда очень интересными, очень свежими, неожиданными, и поэтому все хотели доложить свои результаты, свою работу на этом семинаре. И была такая традиция, что после семинара, который происходил обычно с шести до восьми, вот в это время, шли домой пешком. Иван Георгиевич любил ходить пешком. Даже вот с Ленинских гор шли пешком по Воробьевскому шоссе. Даже когда Ивана Георгиевича ждала машина, если он ее не отпускал, то он просил, чтобы машина ждала около заставы — ну, вот теперь это площадь Гагарина, — а весь этот отрезок пути от университета вдоль Воробьевского шоссе Иван Георгиевич шел пешком, в сопровождении трех-четырёх-пяти участников семинара, и при этом проходило еще дальнейшее обсуждение и того, что было на семинаре, и того, что нужно еще сделать на семинаре, и вообще всяких вопросов математической жизни.

Иногда Иван Георгиевич заходил в диетический магазин и покупал что-нибудь. Он любил что-нибудь покупать, не всегда подходящее, дома не всегда одобряли его покупки, но он всегда любил что-то еще и приносить.

В. Д.: Конечно.

О. О.: Потому что по дороге был диетический магазин, и он заходил туда что-нибудь купить.

Последний год жизни Иван Георгиевич несколько преобразовал этот семинар.

В. Д.: Подождите сразу переходить к последнему году.

О. О.: Ну, я вот рассказала, как он работал в течение тех двадцати лет, когда он был на Ленинских горах.

В. Д.: Нет, но почему же уже последний год жизни?

О. О.: Я хочу рассказать об этом семинаре.

В. Д.: Ах, он до конца в нем работал?

О. О.: Да-да-да, этот семинар работал начиная с 46-го года и просто до последнего дня. То есть последнее заседание было за два-три дня до смерти Ивана Георгиевича, он был на этом семинаре. Но этот семинар несколько преобразовался. Он заинтересовался вопросами теоретической физики и хотел, чтобы на этом семинаре были доклады по теоретической физике. Он привлек еще к руководству этим семинаром профессора Лифшица из Института физических проблем. И там было много интересных докладов. Причем Иван Георгиевич вместе с Лифшицем обсуждали последующий доклад, и Иван Георгиевич до того, как этот доклад будет сделан на семинаре, еще отдельно встречался с докладчиком, выслушивал его и обсуждал этот доклад накануне семинара.

И вот я помню последнее заседание семинара. Иван Георгиевич очень активно слушал, делал замечания, был очень живым таким, очень внимательно слушал, — и оказалось, что это заседание последнее. Иван Георгиевич умер в четверг. Я помню, я была в это время дома, и мне позвонила Татьяна Владимировна, его секретарь, что Ивана Георгиевича уже нет. Это было даже трудно понять как-то и трудно себе представить. Хотя он чувствовал себя очень плохо последнее время, но все считали, что Иван Георгиевич все выдержит, все вынесет, как всегда. Это конец года, 72-го года. Это было пятидесятилетие образования Советского Союза, он принимал участие в этих торжествах, а в начале января он готовил доклад — на собрании ректоров всех университетов он должен был делать основной доклад. Этот доклад он готовил долго, это был доклад о положении в высшей школе, о тех мерах, которые нужно провести для улучшения работы и всей высшей школы, и университетов. И Иван Георгиевич очень много работал над этим докладом. У него уже была путевка в Барвиху, он должен был ехать отдыхать, но он все откладывал отъезд в Барвиху, хотя врачи ему настоятельно советовали уехать отдыхать.

В. Д.: Ведь у него уже к тому времени был инфаркт один.

О. О.: Да, это было несколько лет до того. И Иван Георгиевич хотел сделать этот доклад и потом уехать. И доклад был подготовлен, он поехал обсудить этот доклад в Центральный Комитет партии, и там его доклад был очень хорошо принят.

В. Д.: У кого он был?

О. О.: По-моему, у Трапезникова, но я точно не знаю. Во всяком случае, там его доклад был очень хорошо принят и одобрен. Он должен был с ним выступить, но вот, видимо, сильное переутомление его сказалось здесь, и он, выйдя из помещения, почувствовал себя плохо. Смерть наступила мгновенно, даже скорая помощь не успела приехать. Вот это...

В. Д.: О семинаре.

О. О.: Да, я просто уже это сказала так, потому что это касалось семинара, да, что семинар работал фактически до последнего дня, и после его смерти заседания семинара состоялись. Сейчас этот семинар тоже работает, и мы назвали его семинар имени Петровского. Этот семинар заседает регулярно по средам, как и тогда он заседал. Он тоже имеет такую же ориентацию, какую ему придал в последние годы Иван Георгиевич, то есть основное внимание уделяется вопросам математической физики. И мы издаем «Труды семинара имени Петровского», выходит ежегодно том, уже два тома вышло, два тома находится в печати. Это «Труды семинара имени Петровского» выходят.

В. Д.: А руководят им, значит, по-прежнему Тихонов и Соболев?

О. О.: Нет, Соболев давно в Новосибирске, а Андрей Николаевич Тихонов занимается своим факультетом.

В.Д.: А кто же?

О.О.: Было два семинара: один семинар — это семинар Петровского-Соболева-Тихонова, который работал до 57-го года, до отъезда в Новосибирск Соболева, а второй семинар, которым руководил один Иван Георгиевич, — он был организован в 46-м году. Это другой семинар, его руководителем был только Иван Георгиевич Петровский, и он продолжал свою работу до последнего дня жизни Ивана Георгиевича. То есть в последнюю среду было заседание семинара, а в четверг Иван Георгиевич умер. Этот семинар ученики Ивана Георгиевича решили сохранить, что он должен работать и после того, как Иван Георгиевич умер, и назвали этот семинар — семинар имени Петровского по дифференциальным уравнениям и математическим задачам в физике.

В.Д.: Понятно, но у него все-таки есть руководитель?

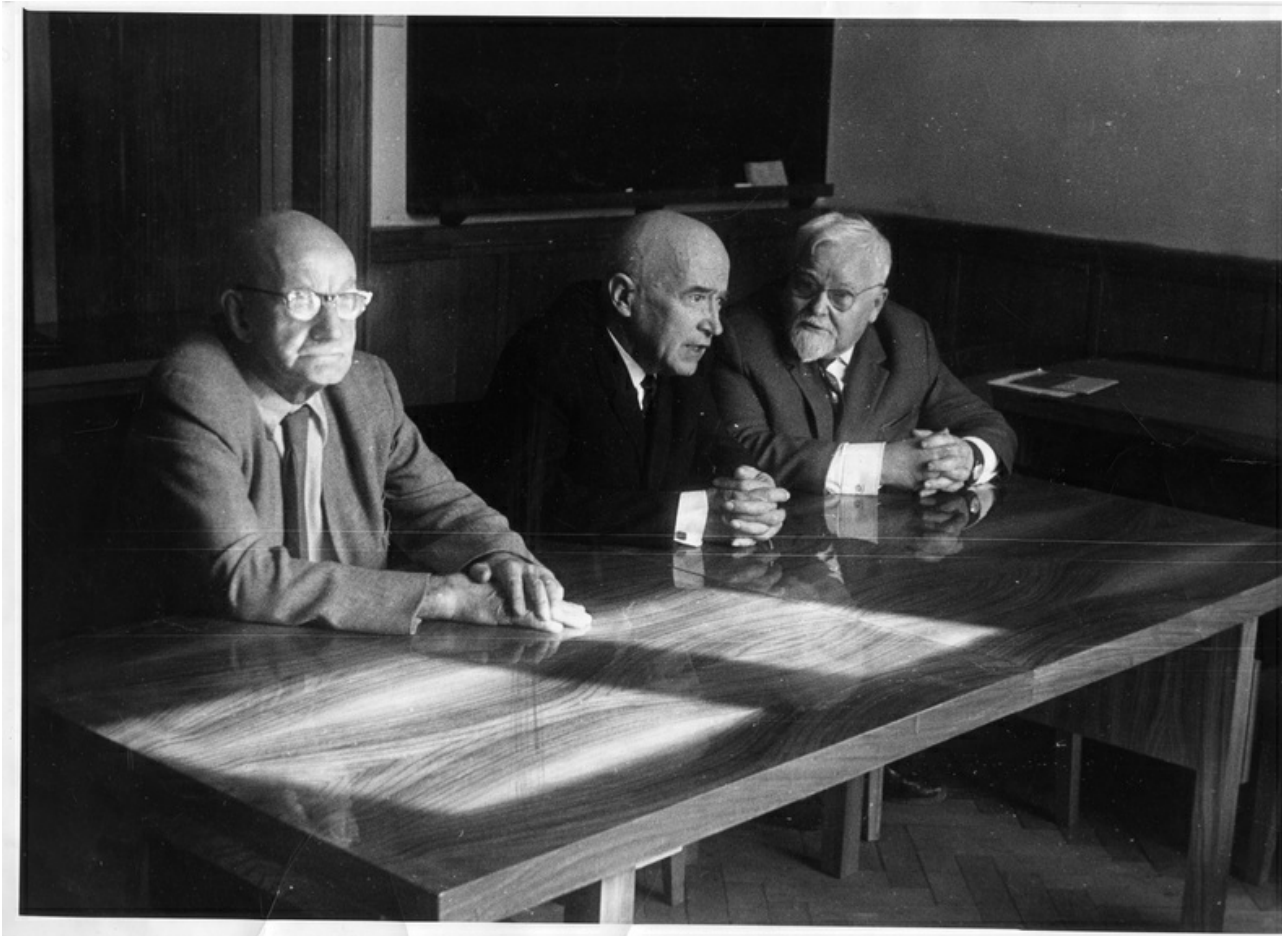
О.О.: Ну, вот этим руководителем фактически считаемся я, профессор Вишик, профессор Новиков, профессор Арнольд. Новиков является сотрудником Стекловского института, а профессор Арнольд, профессор Вишик и я — мы являемся сотрудниками кафедры дифференциальных уравнений. И вот мы продолжаем вести этот семинар, который носит такое название: семинар имени Петровского. То есть мы заботимся о тематике семинара, о докладах, мы ведем этот семинар.

Иван Георгиевич отдавал очень много сил университету. Он очень заботился об университете. Он был вообще человек очень заботливый, а об университете он заботился просто как о собственном ребенке. Он делал все для того, чтобы университет выпускал лучших специалистов, чтобы улучшить подготовку наших выпускников, чтобы уровень научных исследований был очень высок в Московском университете. Он отдавал много сил организации новых лабораторий, открытию новых кафедр, которые представляли новые направления в науке. И он был очень занят. Вы, вероятно, знаете, что у Ивана Георгиевича не было приемных часов. Он очень много времени проводил в ректорате, разговаривая с людьми, обдумывая вопросы, которые ему предстоит решить, и очень много сил отдавал организации и учебной, и научной работы в университете. Конечно, у него оставалось для науки меньше времени.

Петровский — математик

В последние годы он интересовался проблемой циклов для обыкновенных дифференциальных уравнений с рациональной правой частью. Там он высказал целый ряд интересных идей, в этой проблеме наметил некоторые пути, но проблема оказалась нерешенной. Он не успел решить эту проблему, и, видимо, эта задача еще очень нескоро будет решена кем бы то ни было.

Ну, казалось, что очень жаль, что такой очень крупный математик, сделавший такие большие открытия в математике, лишен возможности работать в науке, ну, так, как бы мог работать человек, свободный от административных обязанностей. И я часто говорила Ивану Георгиевичу: «А может быть, стоит оставить пост ректора и заниматься только наукой, только математикой? Так было бы много пользы». Иван Георгиевич сердился. Он не любил, когда это ему говорили. Он считал, что его работа ректором столь же важна, как и его научная работа. И он говорил, что, будучи ректором, он приносит пользу не меньшую, чем если бы он занимался своими индивидуальными исследованиями — решением задач, так вот, как это было до назначения его ректором.

И.Г. Петровский и А.Н. Тихонов

В. Д.: Когда он был деканом...

О. О.: Ну, деканом он был во время войны, когда условия работы были особенно тяжелые. Это было несколько эвакуаций: сначала — в Свердловск, потом — Ташкент, потом — Ашхабад. Я уже не помню, в каком это все было порядке, но, конечно, от Ивана Георгиевича это потребовало огромной затраты энергии, времени, усилий. Но как-то Иван Георгиевич придавал большое значение своей работе как ректора.

Мы, ученики Ивана Георгиевича и математики, прежде всего Ивана Георгиевича считали очень крупным, крупнейшим математиком, выдающимся ученым, и потом уже — ректором. И как-то казалось, что жаль, что Иван Георгиевич, став ректором, уже не имеет возможности так же работать интенсивно, как он работал в 30-е годы. Потому что 30-е годы — это был такой совершенно удивительный период в его жизни: он за несколько лет сделал крупнейшие открытия в математике. Вот начиная с 35-го года — 36-й, 37-й год, 39-й — появляются его основные работы, которые создали ему имя в математике и которые сейчас рассматриваются как просто важнейший вклад в теорию уравнений с частными производными, теорию вероятностей, алгебраическую топологию. Им были сделаны работы в разных областях математики, причем работы необыкновенной глубины, необыкновенной силы. И они все были сделаны за, казалось бы, короткий промежуток времени — это 30-е годы. Вот, потом война. Во время войны Иван Георгиевич опубликовал замечательную работу, за которую он получил потом Государственную премию, — это о лакунах. Она вышла в 45-м году. Она завершала цикл работ Ивана Георгиевича по уравнениям с частными производными, которые, собственно, составили основу теории систем уравнений. Он является

основоположником такого направления в математике. Ну, и было жалко, что Иван Георгиевич уже, став ректором, не имеет достаточно времени для того, чтобы продолжать свою научную работу. Но тем не менее Иван Георгиевич все-таки продолжал эту работу: в 50-е годы вместе со мной занимался вопросами теории алгебраических поверхностей, затем он занимался проблемой циклов, которая осталась хотя и нерешенной, но очень много Иваном Георгиевичем было сделано в этом направлении.

В. Д.: Ну, а о ректорской его работе?

О. О.: О ректорской его работе я не могу сказать. Я была связана с Иваном Георгиевичем только по науке, поэтому ректорская работа для меня представлялась так же, как и для всех других.

В. Д.: Как помеха научной?

О. О.: Нет, я говорила о том, как Иван Георгиевич много сделал...

Дни рождения Петровского

О. О.: Иван Георгиевич никогда не отмечал свои юбилеи, никогда. Никогда не было торжественных заседаний, и он был против каких-нибудь поздравлений. Я помню три его юбилея, то есть три дня его рождения.

В 51-м году... Я была тогда только-только защитившей диссертацию, фактически еще его аспиранткой...

В. Д.: Ах, вы уже и диссертацию защитили?

О. О.: Ну, я защитила в 50-м году, я даже раньше...

В. Д.: То есть диплом, а потом диссертацию.

О. О.: Ну, конечно, конечно. Кандидатскую диссертацию я защитила в 50-м году, когда была аспиранткой Ивана Георгиевича. Она относилась к вопросам алгебраической топологии, это было продолжением наших совместных работ. И я закончила аспирантуру в два года. Потом Иван Георгиевич меня взял на работу в Математический институт имени Стеклова, и там я продолжала работать много лет.

Так вот, в 51-м году я, по-моему, единственная из учеников Ивана Георгиевича, была приглашена на день его рождения.

В. Д.: Ну, так расскажите, очень интересно.

О. О.: Я помню, значит, там было много родственников, которых я еще не всех знала. Это был его брат...

В. Д.: Брат у него был?

О. О.: Брат, его сестра была там и несколько других родственников, несколько коллег его по университету, и вот я была на этом дне рождения. Но все проходило очень скромно.

В 61-м году Иван Георгиевич тоже праздновал свой день рождения, дома, конечно. В основном были его ученики приглашены на этот день рождения, и сохранилось много фотографий, потому что я взяла фотоаппарат свой, и несколько фотографий было сделано. Вот они до сих пор сохранились, такие фотографии. Вот одна из них находится вот там, я вам потом покажу.

Ну, и последний день рождения, который Иван Георгиевич отмечал, — это было в 71-м году. Он был тогда в Барвихе. Он чувствовал себя не очень хорошо, тогда он был в санатории вместе со своей женой Ольгой Афанасьевной. И к нему приехали тогда поздравлять от университета Сергеев Евгений Михайлович, секретарь партбюро, партийного комитета университета и ряд других официальных лиц университета. Они его поздравили, привезли ему такую очень большую хрустальную вазу, подарили к его семидесятилетию. Помню, пили чай, обменивались личными мнениями о событиях университетской жизни, и так прошел его юбилей — очень скромно, без каких бы то ни было чествований, заседаний.

В. Д.: Это его семидесятилетие.

О. О.: Так, да, прошло его семидесятилетие.

В. Д.: Он в Барвихе был — это уже после?..

О. О.: Он в это время был в Барвихе в санатории.

В. Д.: Вот, может быть, вы скажете об обстоятельствах его первого инфаркта?

О. О.: А здесь нет никаких обстоятельств. Просто очень большая напряженная работа. Здоровье его было не такое уж и крепкое, хотя он много катался на лыжах, и очень любил кататься на лыжах. Он ездил зимой на дачу в Абрамцево и там помногу километров катался на лыжах. Летом он любил много ходить. Он вместе со своими друзьями отправлялся в дальние походы, любил бродить по абрамцевским лесам, по окрестностям, — очень много ходил летом. Но он так много работал в университете, что, видимо, все это сказалось, и у него в 69-м году был инфаркт.

В. Д.: Инфаркт был, и он лежал в больнице девять месяцев.

О. О.: Ну, какое-то время он был в больнице.

О семье Петровского

В. Д.: Что вы знаете по его собственным рассказам? Все-таки что-нибудь, раз вы столько лет с ним встречались, — что-нибудь рассказывал о своей молодости?

О. О.: Да. Иван Георгиевич родился в Севске. Севск — это город ныне Брянской области, а в те времена он был Орловской области. Он родился 18 января 901-го года. Он очень много вспоминал. Вот когда приходилось бывать у него на даче или дома, во время обеда особенно, он любил вспоминать времена своего детства.

В. Д.: Ну, вот-вот-вот! (*Перерыв в записи*)

О. О.: Подробнее всего об этом, конечно, могла бы рассказать жена Ивана Георгиевича Ольга Афанасьевна. Дед, по-моему, был сиротой, и поступил он работать мальчиком к одному купцу, это так я себе представляю. Потом он женился на дочери этого купца: видимо, хозяин заметил способности деда.

В. Д.: Он что — был талантливый человек?

О. О.: По-видимому, да. По-видимому, был очень умным человеком. Он потом сам стал купцом, уже после того, как женился на дочери этого хозяина. Но он был бедным, был сиротой сам. Ну, и он очень любил рассказывать о том, как дед организовывал, значит, свое дело, и говорил о том, что когда Иван Георгиевич заявил, что он не будет продолжать дело деда и отца, а он хочет учиться, то дед всю ночь плакал, узнав об этом решении Ивана Георгиевича, но не стал ему мешать, и Иван Георгиевич уехал, в 17-м году уехал учиться в Московский университет.

В. Д.: В 17-м?

О. О.: Да, в 17-м году.

В. Д.: Летом?

О. О.: Да, после окончания реального училища в Севске. Но он тут же вернулся, потому что в те времена он не смог здесь жить, просто начиналась революция... Он поступил...

В. Д.: То есть он уже после Февральской революции приехал — летом, да?

О. О.: Да, да-да-да, летом он приехал, ну, и вскоре вернулся опять в Севск, ну, как-то, видимо, его позвали,

потому что он был тогда шестнадцатилетним юношей, и, видимо, продолжать учебу здесь...

В.Д.: А где же он тут жил?

О.О.: Где он жил, я сейчас точно не помню, кажется, у каких-то своих знакомых по Севску.

Иван Георгиевич любил рассказывать о реальном училище, об учителях. Иван Георгиевич имел все пятерки — по всем предметам закончил, кроме двух отметок: у него была четверка по рисованию и по математике. Да, по рисованию у него была четверка просто потому, что он был дальтоник. Но он очень хорошо рисовал, сохранились его рисунки, у меня тоже есть копии. Эти рисунки находятся у Ольги Афанасьевны, верней, они переданы мемориальному кабинету. Иван Георгиевич очень любил рисовать, причем он рисовал таким тонким черным пером, потому что он цветов не различал, он был дальтоник, но он тушью рисовал, очень хорошие рисунки сохранились его, которые он делал в возрасте шестнадцати — пятнадцати лет.

А по математике у него тоже была четверка, и он говорил следующее, что учитель у них был такой, что он заставлял все выучивать наизусть. И вот рассказывал такой случай, который звучит, как анекдот. Случай такой, что они проходили дифференциальное исчисление, то есть начала высшей математики, и проходили в реальном училище, и учитель сказал: «Вот нам предстоит познакомиться с тем, что такое производная и как нужно дифференцировать. Дифференцировать я вас обучу, это легко, это все можно запомнить, а вот что такое производная — это я и сам не знаю, поэтому я вам продиктую, вы запишите и выучите наизусть». Ну, Иван Георгиевич не мог математику выучивать наизусть, он не мог выучивать то, что он не понимал и что не понимал его учитель, поэтому у него была четверка — видимо, за то, что он не выучивал.

В.Д.: Очень интересно.

О.О.: После 17-го года его семья уехала из Севска, они жили в Елисаветграде.

В.Д.: То есть семья... Вы говорили о деде...

О.О.: Дед и отец. Отец помогал ему. Отец не был купцом, отец как бы помогал деду в его делах.

В.Д.: В деле деда. А владельцем был дед.

О.О.: Да, владельцем был дед.

В.Д.: А по какой части купеческое дело у него было, не знаете?

О.О.: Я не знаю, что-то у них была земля, зерно — вот какие-то такие вещи.

В.Д.: Ах, зерно. Вообще, и Орловская губерния — губерния самая дворянская в России.

О.О.: Да-да.

В.Д.: Значит, может быть, он там что-то по хлебу.

О.О.: В общем, какие-то были небольшие заводы, что-то такое, я не знаю точно. А вот в Елисаветграде Иван Георгиевич заинтересовался математикой. Там он очутился один, и у него были книги, и он стал читать книги. Это была книга Жуковского по механике, книга Дирихле по теории чисел, и вот он увлекся этими книгами. Это были его первые серьезные книги, которые он стал читать, и его увлечение математикой началось вот с того периода, когда он сам стал изучать математику.

В.Д.: Ему было шестнадцать лет?

О.О.: Да, шестнадцать — семнадцать лет. Он хотел изучать механику, но для того, чтобы познакомиться с книжкой Жуковского, ему не хватало знаний по математике. Вот он стал читать книги по математике, увлекся, и когда он вернулся в Москву, уже в 22-м году, чтобы продолжать свое образование, то он перешел на математическое отделение, а поступал он на естественное отделение.

О жизни в Москве

В. Д.: Подождите, а что же вы перескочили с 17-го на 22-й? А где же он был? Уехал домой?

О. О.: Вот он жил в Елисаветграде и работал там, да, работал где-то в конторе, так что он приехал уже, так сказать, великовозрастным сюда, он был великовозрастным студентом.

В. Д.: Кто-то мне рассказывал, что он тут, в Москве, дворником работал.

О. О.: А! Вот, это было... Дворником он работал, когда он в 22-м году вернулся в Москву, у него не было никаких средств к существованию, и поэтому он учился в университете и работал дворником в детском доме. Он там носил дрова на третий этаж, носил всякие тяжести, которые нужно было для детей, продукты, и зарабатывал деньги. Ну, тогда вообще все студенты университета работали — кто что мог делать и кто как находил работу. Но потом он через год уже стал преподавать — преподавать во ВХУТЕМАСе. Он там преподавал математику.

В. Д.: Во ВХУТЕМАСе?

О. О.: Да, да-да-да.

В. Д.: Это для меня целое открытие.

О. О.: Там его знают. Вот, в частности, Измалков, который тогда был там студентом, это скульптор Измалков, — он, спустя много лет, уже когда Иван Георгиевич был ректором, сделал его скульптурный портрет. Познакомился Иван Георгиевич с ним, когда он был студентом там, а Иван Георгиевич им преподавал математику.

Потом Иван Георгиевич преподавал математику еще в Машиностроительном институте, имени Бубнова тогда назывался: Машиностроительный институт имени Бубнова, который находился вот тут недалеко от Ленинского проспекта. Он там много лет преподавал математику и даже заведовал кафедрой, до войны.

В. Д.: Машиностроительный институт? Бубнова был Педагогический.

О. О.: Нет-нет-нет, вот там был такой институт. У Ольги Афанасьевны сохранились всякие документы и даже конспект лекций, которые он там читал.

В. Д.: Дворником он, наверно...

О. О.: Он работал недолго.

В. Д.: ...не только зарабатывал, но, наверно, и жилье себе зарабатывал?

О. О.: Да-да.

В. Д.: В то время с пропиской было очень трудно.

О. О.: Да, было трудно.

В. Д.: Стали ограничивать Москву.

О. О.: И, кстати, там же он познакомился со своей будущей женой Ольгой Афанасьевной, которая тоже была студенткой университета и тоже работала там, но она работала на более высокой должности, она была воспитательницей.

В. Д.: Ах, в детском?..

О. О.: В этом же детском доме, да. И там они познакомились, и поженились, и потом им дали комнату, и они жили в какой-то комнате сначала, по-моему, в Гороховском переулке. А потом они жили на Мещанской. И вот они жили на Мещанской — у них было две комнаты в коммунальной квартире. Когда я была студенткой, я туда приходила несколько раз к ним. А когда Иван Георгиевич был избран

академиком в 47-м году, вскоре он получил квартиру в этом доме номер тринадцать на Ленинском проспекте.

В. Д.: И там и жил до конца, да?

О. О.: Да, и он не хотел переезжать в университет. Потому что когда было построено это новое здание, то считалось, что здесь должна быть одна квартира для ректора. Иван Георгиевич не согласился переезжать сюда, и вот до последнего дня своей жизни он прожил на Ленинском проспекте, дом номер тринадцать. Там я, конечно, очень часто бывала.

Сам Иван Георгиевич любил рассказывать то, что говорили ему соседи по коммунальной квартире. Значит, у них была домработница Прасковья Александровна.

В. Д.: У Ивана Георгиевича или у соседей?

О. О.: Нет-нет, у Ивана Георгиевича была домработница. Ольга Афанасьевна работала всю жизнь. Она кандидат биологических наук, а работала — она сначала преподавала в медицинском институте, потом работала в одном из научно-исследовательских институтов. А все хозяйство у них вела Паня, Прасковья Александровна, такой человек очень гордый, независимый, с сильным характером. Ну, она как-то к Ивану Георгиевичу относилась, мягко выражаясь, строго всегда. Она Ольге Афанасьевне больше симпатизировала, а к Ивану Георгиевичу относилась строго. И вот она говорила своим соседям, ну, в начале работы у них: «Вот бывают же такие бессовестные мужчины. Жена уходит на работу на целый день, приходит вечером, а он почти каждый день дома — уходит куда-то на два часа и приходит, а потом дома, — лежит на диване и смотрит в потолок или ходит по квартире и что-то запишет на столе». Это о его времени жизни, когда Иван Георгиевич сделал свои самые лучшие работы. Он работал лежа на диване, прохаживаясь по комнате или, ну, там, иногда садился за стол что-то написать, но в основном, значит, он продумывал все это, находясь дома. Для Пани это казалось невозможным: как это можно дома работать, да еще лежа на диване? Поэтому она прозвала его бездельником, и, так сказать, у нее было гораздо больше уважения к Ольге Афанасьевне, которая ходила куда-то в лабораторию, что-то делала, чем к Ивану Георгиевичу. Вот это Иван Георгиевич любил...

В. Д.: Это очень хороший эпизод.

О. О.: Может быть, я не совсем хорошо его рассказала, но Иван Георгиевич это очень хорошо рассказывал, он умел рассказывать. Так же вот, как о своем учителе математики, который ставил ему четверку, потому что он не выучивал того, что он диктовал, так же он хорошо рассказывал о Пани. Она всегда очень строго к нему относилась.

В. Д.: Эта Паня была еще в коммунальной квартире?

О. О.: Да, и она у них до сих пор работает. Она всю жизнь, так сказать, у них проработала, так что как член семьи. Но тем не менее к Ивану Георгиевичу она относилась строго всю жизнь и особенно его не баловала.

В. Д.: Ну, потом она уж поняла?

О. О.: Да, наверно, поняла, но вот тем не менее она к нему так...

В. Д.: И пришла еще молодой?

О. О.: Да-да-да, она всю жизнь у них, наверно, лет тридцать или больше, проработала. Пришла к ним молодой, из деревни приехала, вот стала у них работать, и до пенсии. Иван Георгиевич подарил ей квартиру, купил ей коммунальную квартиру за собственный счет.

В. Д.: Коммунальную квартиру?

О. О.: Нет, кооперативную. Иван Георгиевич подарил ей квартиру кооперативную, когда она в пятьдесят пять лет уходила на пенсию. Поэтому она жила у себя и приходила к ним помогать. Ну, будучи

уже совершенно независимым человеком, имея собственную отдельную однокомнатную квартиру, она приходила днем помогать Ольге Афанасьевне по хозяйству.

В. Д.: А соседи как к нему относились? Вообще соседи были, не знаете, не скандальные?

О. О.: Я не знаю соседей. Я знаю, что Ивану Георгиевичу было очень трудно, потому что соседи были не очень внимательны. Они уходили на работу, и, чтобы, видимо, никто не ограбил квартиру и думал, что в квартире кто-то есть, они во всю мощность включали радио и уходили. Поэтому Ивану Георгиевичу это стоило очень больших мучений, как-то с ними договариваться, их просить, чтобы это радио... Они не всегда шли навстречу, и это очень мешало ему, так что жизнь его была не такая уж легкая. Это были две маленьких комнаты, расположенные в разных концах коридора, так что, чтобы попасть из одной в другую, нужно было пересекать коридор в таком обычном доме, небольшом, по-моему, даже не каменном доме, где-то на Мещанской улице.

В. Д.: На Мещанской, теперь проспекте Мира. А в Гороховом вы не бывали, да?

О. О.: Нет-нет-нет.

В. Д.: Горохов там же, на Мещанской, это близко.

О. О.: Ну да, где-то там, это у них была первая комната, а потом вот эта — много лет они жили. И, собственно, свои лучшие работы Иван Георгиевич сделал-то, конечно, в этой коммунальной квартире.

В. Д.: Значит, он в 22-м году поступил?

О. О.: Да, в 22-м году он поступил в университет, уже второй раз, и в 27-м году закончил.

В. Д.: А когда первый раз?

О. О.: В 17-м году, но он не смог учиться.

В. Д.: Так не смог учиться или его не приняли?

О. О.: Нет, его приняли, но он не смог учиться. По-моему, дед потребовал, чтобы он вернулся, потому что времена были такие очень трудные, а ему было шестнадцать лет, и поэтому дед потребовал, по-видимому. Он был хозяином, так сказать, в семье, главным распорядителем, и он забрал Ивана Георгиевича.

В. Д.: А в 18-м — 19-м он не поступал?

О. О.: Нет-нет-нет, он уже потом приехал в 22-м году.

В. Д.: А в 22-м году он с первого раза попал? Его не задержали как сына купца?

О. О.: Нет-нет-нет.

В. Д.: Хотя в 22-м еще можно было. В 25-м — 26-м это было уже почти невозможно.

О. О.: Да, у него были в связи с этим какие-то неприятности, но они кончились благополучно.

В. Д.: И неприятности, и барьер же был.

О. О.: Да, был некоторый барьер, но его, ввиду его высокой успеваемости... По-моему, его даже исключали, но потом он был быстро восстановлен.

В. Д.: Ах, уже из университета исключали как социальный элемент?

О. О.: Как сына купца, да. Но так как он не был сыном купца, его дед был купец, он был внуком купца, то он...

В. Д.: А дед долго еще прожил?

О. О.: По-моему, дед в 20-е годы умер. А отец умер — уже я помню это время, когда умер отец. Я помню, я пришла к ним домой, Ольга Афанасьевна меня встретила и сказала, что Иван Георгиевич очень тяжело переживает смерть отца. Как раз это случилось, по-моему, в 47-м году.

В. Д.: Ах, так поздно!

О. О.: Да, да.

В. Д.: А детей у них не было?

О. О.: Детей у Ивана Георгиевича не было.

В. Д.: А Ольга Афанасьевна — это была ее профессия, с ребятами?

О. О.: Нет-нет. Она воспитательницей работала, когда была студенткой-биологом, а потом она всю жизнь... Ну, не всю жизнь, она вышла на пенсию, по-моему, что-то в 60-х годах. Она работала биологом в медицинском институте каком-то научно-исследовательском, кажется, Гельмгольца.

В. Д.: Про Паню — это все как раз очень нужно. Вы отвлекитесь от анкет, это все в 2000-м году будет интересно.

О. О.: Да-да-да, я сейчас вспоминаю. Иван Георгиевич ведь был очень остроумным человеком. Он любил рассказывать о Севске, о деду своем. Ольга Афанасьевна мне очень много рассказывала об их жизни. Ольга Афанасьевна — человек очень энергичный, и она много делала для того, чтобы Иван Георгиевич имел возможность работать. Так как вот на этой квартире у них было очень плохо, потому что много соседей, шумно, то они ранней весной уезжали на дачу. Ольга Афанасьевна сумела организовать постройку дачи, перед войной они построили дачу. А до этого они снимали, в Тарасовке снимали комнату и там жили. На даче Иван Георгиевич все лето работал. Собственно, вот эти свои лучшие работы он сделал летом, когда он был на даче, свободный, во время каникул, потому что в течение учебного года Иван Георгиевич много преподавал, и, конечно, времени у него для работы оставалось не так уж много.

В. Д.: В средней школе он никогда не работал?

О. О.: В средней школе он работал, но недолго. Он работал, будучи студентом, он преподавал в школе. Сохранилась даже школа эта в Москве (я не помню номер), где он работал. Но недолго.

В. Д.: Имя Петровского ей не присвоили?

О. О.: Имя Петровского присвоено школе в Севске. В Севске построена новая школа, и этой школе присвоено имя Петровского. Кроме того, вот недавно, 1 сентября, я была в Брянске и в Севске, мы ездили вместе с Ольгой Афанасьевной в этом году. Посылал меня ректор наш, Рем Викторович Хохлов, потому что университет получил приглашение участвовать в торжестве открытия нового Педагогического института в Брянске. В Брянске в этом году открыт Педагогический институт, и решением Совета Министров этому институту присвоено имя Петровского. И он так и называется: Брянский педагогический институт имени академика Ивана Георгиевича Петровского. И вот Ольга Афанасьевна ездила, по этому случаю ее приглашали в Брянск, и я ездила от университета, мы привезли приветствие ректора университета этому новому институту педагогическому. И вот сейчас есть такой институт, который носит его имя.

Вы, наверно, знаете, что недавно открыта мемориальная доска Ивану Георгиевичу.

В. Д.: Да, ну, я от вас знаю.

О. О.: Вот она у клубного входа.

В. Д.: Здесь. Вот я сейчас пойду ее посмотрю.

Иван Георгиевич

О. О.: Иван Георгиевич обладал общественным темпераментом и в студенческие годы, он много занимался общественной работой. Он был председателем студенческой комиссии. Это была такая очень важная комиссия, которая решала многие вопросы учебной работы. Иван Георгиевич как председатель этой комиссии даже приветствовал, будучи студентом пятого курса, Всероссийский математический съезд, который проходил в Харькове.

Иван Георгиевич, вот когда его спрашивали, как ему удалось решить такие трудные проблемы, говорил, что «мне думать очень трудно, я думаю медленно очень, с трудом, поэтому думать над простой задачей и над сложной мне все равно трудно. Поэтому, естественно, я выбирал самые трудные задачи (*Дувакин смеется*) и думал уж над трудными задачами». Он всегда себя выдавал за тугодума, за человека, медленно думающего, но зато уж, так сказать, если он что-нибудь придумывал, то это было настоящее золото.

Студентом он был в течение пяти лет. Аспирантом он был у Дмитрия Федоровича Егорова. Дмитрия Федоровича Егорова он очень любил. Его портрет находится и сейчас в кабинете Ивана Георгиевича, и был всегда в его кабинете. Около его письменного стола находится портрет Дмитрия Федоровича Егорова, Толстого, Ганди, портрет Ольги Афанасьевны и находится моя фотография, чем я очень горжусь (*смеется*). Вот рядом с этими людьми находится и моя фотография.

Дмитрий Федорович Егоров (1869—1931)

В. Д.: Ну, еще бы.

О. О.: И сейчас так, это Ольга Афанасьевна все сохранила.

В. Д.: Это что — мемориальный или у него дома?

О. О.: Нет-нет, это просто у него в доме, в кабинете. Этот кабинет заснят, с тем чтобы это сохранилось надолго, но письменный стол Ивана Георгиевича и стенка около письменного стола — она находится в том же положении, в каком это было в последний день его жизни.

Иван Георгиевич занимался у Дмитрия Федоровича Егорова, но он посещал многие семинары, и он считает также своими учителями, помимо вот Дмитрия Федоровича... Он также работал в семинаре Хинчина и в семинаре Колмогорова.

В. Д.: Хинчина даже?

О. О.: Да. Хотя Колмогоров и несколько моложе Ивана Георгиевича...

В. Д.: Даже моложе, да?

О. О.: Да. Ну, Иван Георгиевич ведь поступил очень поздно.

Иван Георгиевич ходил на семинары Колмогорова, делал доклады в его семинаре, и в связи с этими докладами появились замечательные работы Ивана Георгиевича, связанные с теорией вероятностей. Но дело в том, что Иван Георгиевич поступил на пять лет позже... <...>

В. Д.: То есть ему был двадцать один год. Ну, а Лузина, значит, тоже считал учителем, или нет?

О. О.: Нет, нет, к Лузину он как-то не имел прямого отношения, он был учеником Егорова. Хотя у него есть одна работа по теории функций, по духу близкая к школе Лузина — проблема в этой работе решалась, поставленная Лебегом, — но, вот насколько я знаю, эта задача исходила от Егорова. Вот его первая работа опубликованная относится к теории функций.

В. Д.: Давайте какие-нибудь мелочи еще скажите.

О. О.: Иван Георгиевич очень любил шутить и часто шутил по поводу Пани. Она этого не любила, сердилась, и, может быть, поэтому отношения были не самые лучшие.

В. Д.: Она была без чувства юмора?

О. О.: Она была абсолютно без чувства юмора, а Иван Георгиевич очень любил шутить. Но зато она умела делать кашу пшеничную, которую Иван Георгиевич очень любил. Он любил всякие каши, любил кашу, из тыквы сделанную, кабачки, любил молоко пить, — то есть то, к чему приучили его еще дома.

А в доме — там был особый порядок. Так мне сейчас трудно вспомнить, мне очень много рассказывал и сам Иван Георгиевич о жизни в доме деда, кроме того, Ольга Афанасьевна все это очень хорошо помнит.

В. Д.: Но она-то не была в этом доме деда?

О. О.: Она была, потому что они поженились в 25-м году, и в то время там жил дед, и они приезжали на каникулы. Вот сохранилась фотография примерно того же времени, где сфотографированы дед, мать Ивана Георгиевича, отец, брат его, тогда еще мальчик (он моложе Ивана Георгиевича, кажется, лет на семь).

В. Д.: А он кто?

О. О.: Брат живет сейчас в Москве, Василий Георгиевич Петровский. Он полковник, преподавал в Академии бронетанковых войск, а сейчас, по-моему, он на пенсии. У него два сына, которыми Иван Георгиевич любил заниматься, — это Павлик и Юра. Вот у Юры есть теперь сын — тоже Иван Георгиевич Петровский. Это внуки Ивана Георгиевича, так сказать, по линии брата.

В. Д.: Внучатый племянник.

О. О.: Иван Георгиевич много занимался своими племянниками, много им помогал. Один из них закончил физический факультет, другой закончил Военную академию.

В. Д.: А вы от него не слышали, как знакомых, такие фамилии: Юткевич, Павлович?

О. О.: Нет, этих фамилий я не знаю. У него был приятель, врач, Зайцев, с которым он много ходил в походы, ходил собирать грибы, в различные дальние походы по Подмосковию он ходил с этим Зайцевым. Это его знакомый еще по Севску. Еще у него из его знакомых по Севску был Зезин тоже. Он сейчас уже умер, но Иван Георгиевич тоже с ним сохранял дружеские отношения. Это из Севска. По моему, его же соученик по реальному училищу.

В. Д.: А с 17-го по 22-й он совсем не жил в Москве?

О. О.: Нет, они жили в Елисаветграде. Там его отец работал в каком-то кооперативе. Иван Георгиевич тоже ему помогал.

В. Д.: Павлович упоминала мне, что она знала Петровского. Павлович — это женщина, вообще литератор, близкий к Блоку.

О. О.: Я слышала о ней, она сейчас жива.

В. Д.: Она еще жива, хотя плохо ей.

О. О.: Да-да-да, инфаркт у нее недавно был. Мои знакомые одни ее знают.

В. Д.: Он о ней не упоминал никогда?

О. О.: Нет, нет, нет.

В. Д.: Интересно.

А Егоров — это вот старик... Егорова я знаю.

О. О.: Ну, он не такой старик был — он выглядел очень... Он, по моему, умер, когда ему было шестьдесят с небольшим.

В. Д.: Что вы! А не восемьдесят?

О. О.: Нет-нет-нет-нет. Это можно посмотреть в книге.

В. Д.: Это вот математик Егоров...

О. О.: Да-да-да, математик Дмитрий Федорович Егоров, один из очень крупных математиков. Иван Георгиевич его считал своим учителем и очень-очень его глубоко почитал.

В. Д.: Я помню, что его выгоняли из университета, поскольку он был с церковью связан.

О. О.: Да, было такое. Это вы записываете? Да, он был верующим, что-то такое было.

В. Д.: И даже, кажется, старостой был, что-то в этом роде.

О. О.: Я не знаю.

В. Д.: Ну, ладно.

Поднимите правую руку вверх и скажите: «Клянусь, что мы с вами еще встретимся».

О. О.: При вашей настойчивости, я не сомневаюсь, что это случится, потому что вы проявили такую настойчивость, что я боюсь, что уже и второй раз мне придется сдать. Без правой руки даже можно быть уверенным, что вы очень настойчиво работаете.

В. Д.: Вот я вам покажу — вот эта карточка ваша. Смотрите, как она переписана¹.

¹ На каждого собеседника, в том числе потенциального, Виктор Дувакин составлял карточку, в которой была контактная информация и возможные темы для беседы. На ней же велся учет договоренностей, звонков и встреч, а также личные комментарии Дувакина.

1-Х 76, Письмо В-А по поводу...
 № 25 - X (он) Завис (уны) X/87, 93
 ОЛЕЙНИК Ольга, Арсеньевна,
 ученица И, Г. Петровского
 как зав. кафедрой
 139-12-82, 17-3-19
 МГУ Корн. К. кв 133 - 11 этаж
 Башия, Ближняя к Химическому ф-ту
 Условно договорились о записи во вторник 18-V. Позвонить
 для уточнения в пн-сб 14-15
 от МЕНЬШОВА Д. В.
 (Продол.) 18-V Записка извинения. Звонить в среду 12 декабря. Звонить 19-V
 Звонить 25-26 дек 13-V Позвонить 16-17 мар 76
 Позвонить 3-IV 46
 16-IV Позвонить 20 марта 76
 После раз/носа лично звонил 9-IV 76 Не отб.
 Звонить 1 апреля 77. 2-11 77-30 I: Не отбегала Не 30-IV
 21-VII - не отб 25-IX Не отб

6-VI Это Telegram свое Разговаривал с ним. Подтвердил
 от него и записал адрес. Взяли с собой котел, чаш.
 13-VI Другой (солодой и тубер) с собой!
 Будет около пяти. Потом поужинаем вечером. Много туберозы
 и 6-11
 13-VI Разговаривал с ней много. Дружно ехали
 она и ее сестра И.Т. Пир. Как зав. издеград. До 21 не мо-
 жет (экономия) С 21 до 28 июля. Моему (29/VI) будет 1 месяц
 после на память попросить. В мае (месяц 9-го) тоже месяц
 25-VI Звонит ей. Предлагал записать адрес (вместе с М.И. Сидоровым) Отказ. Не знаю
 Звонит ей после 8-VII 75
 Позвонит после 25 авг. 10-IX. Не отб. 9-X-75 договорился
 13-X-13. - от пошла 28-X-75 Звонит ей. Звонит ей. Звонит ей. Звонит ей.
 15-X-75

О. О. (смеется): У вас все по научной методике делается.

В. Д.: Здесь пишется ваш адрес, там, и так далее, а потом пишется — когда.

О. О.: Ну, в общем, у вас целая наука на этот счет.

В. Д. (читает карточку): Не ответили... не ответили... Затем идет 75-й год... Больше полутора лет. Да, 75-й год, 29 июня.

О. О.: Ну, вот видите, и я вас должна была разочаровать, потому что я как-то не умею рассказывать.

В. Д.: (возвращается к карточке): Потом большой перерыв...

Ничего, потом вы разговорились.

О. О.: Не умею, не умею. Я на самом деле-то много знаю, очень много знаю, много видела, но, с другой стороны, я как-то просто не умею рассказывать.

В. Д.: (смотрит в карточку): Вон уже, в конце этой карточки: 9 октября 75-го года.

О. О.: А! то есть годовщина как раз.

В. Д.: Вот, сейчас уже...

О. О.: 76-й.

В. Д.: Причем это не начало, до этого был еще и июнь, и июль.

О. О.: Ну, я приношу извинения, приношу извинения

Выражаем благодарность Механико-математическому факультету МГУ за предоставленные фотографии.

Впервые материал был опубликован: Олейник О.О. Беседа 15 ноября 1976 года // Математики рассказывают. М.: «Минувшее», 2005. С. 211–241.